

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РОМАНЕ ИОНА ДРУЦЭ «БРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ»

В. Л. Гусаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2014 г.

Аннотация: В статье анализируются особенности отражения молдавского национального характера в известном романе писателя-билингва Иона Друцэ «Бремя нашей доброты». Автор статьи также рассматривает сложный вопрос отражения христианского мировосприятия в художественной литературе. Статья позволяет обозначить художественные, психологические и онтологические аспекты указанной темы.

Ключевые слова: Ион Друцэ, Молдавия, национальная история, билингвизм, проза, фольклор, нравственный идеал, христианство, Православие.

Abstract: The article analyzes the features of the reflection of the Moldovan national character in the famous novel writer-Bilingua by Ion Drutse «The Burden of our kindness» ("Bremya nashei dobroty"). The author also considers the difficult question reflect a Christian world view in fiction. The article allows us to identify the artistic, psychological, and ontological aspects of this subject.

Key words: Ion Drutse, Moldova, National history, bilingualism, prose, folklore, moral ideal, Christianity, Orthodoxy.

Известный художественной практике на протяжении многих веков, билингвизм в национальных литературах Советского Союза во второй половине XX века дал весьма впечатляющие результаты, открыв русскому и затем европейскому читателю ряд уникальных художников слова (Ч. Айтматов, Т. Пулатов, Ч. Амирэджиби, Ф. Искандер, Ю. Рытхэу, В. Санги и др.). Молдаванин Ион Пантелеевич Друцэ (род. 1928) не сразу стал русскоязычным писателем, но позже его книги оценили и полюбили, прежде всего, в России. Средствами русского языка автор открывает нам красоту бескрайних степей, духовное богатство жизни братского нам по культуре и вере народа.

Роман «Бремя нашей доброты», очевидно, для самого автора стал важным моментом в собственном творчестве, поскольку, будучи начатым в 1963 г. (первая часть – «Степные баллады»), свою законченную форму произведение приобрело в 1982 г., то есть спустя почти двадцать лет. За это время его молдавский и русский варианты неоднократно перерабатывались. В связи с этим мы анализируем произведение по последнему варианту, созданному автором на русском языке.

Роман И. Друцэ охватывает почти пятидесятилетнюю историю Молдавии в XX веке – с 900-х годов до конца 1950-х. Драматизм национальной истории раскрыт автором через жизнь самого неприметного крестьянина из Богом забытой деревушки Чутуры – Онакия Карабуша. Именно в отношениях Онакия

с родной Чутурой и раскрывается сущность национального характера героя. Чутура изначально недоверчива к Карабушу. Не случайно уже в начале повествования автор подчеркивает, что приятеля главного героя «Харалампия Чутура прозвала Умным. Онакия она никак не прозвала, хотя любому было ясно, что только чувство такта помешало ему произнести то, что уже вертится на языке...» [3; 279] Онакий Карабуш и в самом деле может показаться близким родственником и Кола Брюньону из одноименного романа Ромена Роллана, и бравому солдату Швейку Ярослава Гашека, но при этом за его внешним балагурством скрывается народная мудрость и – самое главное – сострадание к ближнему. Таким образом, становится понятным: почему легендарная собака (образ души Молдавии в романе И. Друцэ) выбирает для своего жилья немудрящую времянку Онакия: «собачья верность такому неверному человеческому племени, и это бескорыстие, эта ее скромность!» [3, 276]

Карабуш возвращает Чутуру к жизни после страшного опустошительного пожара, когда односельчане не узнают его после долгого отсутствия в селе, спасает их, казалось бы, совершенно безумной идеей: «А ну, ребята, кто пойдет со мной в лес? Я знаю там одно гнездышко с маленьким в крапинку яичком. В жизни еще не видели такого крошечного яичка. Считаю до трех. Ну, значит, раз!» [3, 299] Возвращение Чутуры к жизни произошло не только в духовном, но и в телесном плане – через девять месяцев после этой вылазки в лес в Чутуре родилось сразу одиннадцать ребятишек, это был, как пишет

Друзэ, «урожаем небывалый для такой маленькой деревушки» [3, 302].

Онакий на страницах романа предстает как нравственный идеал, при том, что герой не лишен недостатков и страстей: «Человек мягкий, податливый по натуре, он отличался большой влюбчивостью, был постоянен в своих привязанностях, но буквально сатанел, когда ему приходилось в ком-либо разочаровываться. А разочаровывался он тоже часто, потому что, эмоциональный, как все молдаване, он влюблялся во все, что его окружало: в людей, в посевы, в домашнюю скотину» [3, 458].

Нравственная характеристика молдавского крестьянина определяется и его отношением к земле. Земля – главная человеческая забота Карабуша. Он принимает все, что дает земля (здесь следует сделать оговорку: кроме маков – последние связаны в сюжете романа И. Друзэ с проблемой румынского национализма, а в судьбе самого Карабуша – с войной и гибелью сыновей), включая пырей, с которыми он боролся многие годы, но который ему всё равно жаль. Земля у И. Друзэ, конечно же, часть национального мира, но при этом земля и объединяет людей близких народов (эпизод с русским солдатом Николаем, который улыбается земле). Земля требует любовного отношения, максимума заботы, но тяжким бременем она становится тогда, когда пути людей и земля расходятся, когда урожай остается неубранным: «Без земли чутуриянин себя не мыслит. Земля – это его способ жить, его умения, его фантазия. Из земли чутуриянин может сотворить все, что душе угодно. Из этих тяжелых чугунных борозд он может вычеканить себе друзей, с которыми хорошо провести один вечер, и друзей, которыми он дорожит всю жизнь. Земля для него – это упругая сила, дремлющая в плечах и просыпающаяся, когда нужно защищать честь чутуриянина. Землю можно обратить в хорошее настроение, а еще земля нагоняет на чутуриянина сладкую, туманную усталость, располагающую к самой буйной фантазии. Земля есть закон сам по себе, и больше не применимы никакие законы, если речь идет о земле» [3, 317-318].

Противостоит живительной силе земли бездушное железо, из которого сделан трактор, силой которого покорен зять Онакия – Мирча Морару. Мирча буквально влюблен во все железное с самого детства, мечтает стать кузнецом, и когда, спустя несколько лет, ему в руки попадает трактор, он отдается «железному коню» без остатка. И мертвое, хотя и движущееся железо, в буквальном смысле высасывает жизнь из некогда цветущего здоровьем Мирчи. Спасает Морару его родной тесть. Именно после беседы с Карабушем в поле в нем снова пробуждается жажда жизни: «Мера – вот что было им утеряно и что ему принес Карабуш в своей кошелке. Две тысячи оборотов в минуту – это хорошо для трактора. Для человека это плохо» [3, 475].

Земля для Карабуша – святыня. Она для него самое родное, что дает природа, и в то же время так до конца и не постигаемое чудо. Отношение к земле у Онакия напоминает некий языческий обряд, который в художественной системе романа, тем не менее, не находит диссонанса с христианской верой: «Всякий раз, когда он выходил в поле и ему предстояло притронуться к ее стихии, облить ее потом, одухотворить, проклясть или прославить, Карабуш, засучив рукава, брал комок сыровой земли, долго мял в ладонях, превращая в упругий серо-черный шар, и потом, подбросив его высоко в небо, старался изловчиться и схватить его круглым, нерассыпанным, и загадывал всегда одинаково: если шар вернется целым – значит, удача» [3, 370].

В советское время критика, обращаясь к романам И. Друзэ, его повестям, рассказам, пьесам, как правило, стыдливо обходила вниманием наиболее уязвимые, с точки зрения официальной идеологии государственного атеизма, места, где текст соотносился с христианским сознанием молдаван. Что касается непосредственно романа «Бремя нашей доброты», то за него в те годы немало досталось автору (главным образом, со стороны молдавских критиков) именно за аполитичность сознания главного героя и за излишний лиризм повествования, который на практике выливался в потрясающе искреннее сопереживание крестьянской жизни, которая в Молдавии неотделима по своей сути от Православия – молдавская земля, как и русская, исповедует Христа уже более тысячи лет.

Камнем преткновения в романе И. Друзэ стало описание празднования крэчуна – так молдаване называют праздник Рождества Христова. Исследователь фольклорных мотивов В.М. Гацак почти сорок лет назад настоятельно подчеркивал, что «едва ли крэчун в молдавских народных традициях значительнее, чем Новый год» [2, 34]. Ссылаясь на довольно солидный список имен молдавских этнографов, В. М. Гацак пытался доказать, что крэчун в Молдавии не более чем видоизмененный языческий народный праздник, а колядки, которые пелись в этот праздник, явно вторичное явление по сравнению с так называемыми «мирскими» колядами, которые, по мнению исследователя, и олицетворяют подлинную традицию молдавского народа. Христианские коляды, конечно же, жестко насаждались самой Церковью. В.М. Гацак твердо и уверенно указывает писателю на его явный «промах»: обычаи празднования Нового года «не попадают в поле зрения автора», а именно они-то и были «наиболее жизнеспособными» [2, 37]. К слову сказать, сам авторский текст в определенном смысле не спорит с мнением критика. И. Друзэ действительно признает, что «Рождество почти перестало быть религиозным праздником» [3, 515]. Но внимание к сюжетным линиям главных героев, прежде всего, Онакия и его дочери

Нуцы, говорит об обратном. Последний ребенок Нуцы появляется на свет именно под Рождество, и, оставшись в роддоме совершенно одна, счастливая и тихая мать совершенно по-иному воспринимает, казалось бы, полностью забытый и оставшийся в ее детстве праздник: «Нуца была убеждена, что все колядки, которые она знала, давно перезабыла, но теперь, лежа в роддоме, она начала их перебирать и сама удивилась той легкости, той плавности, с которой они к ней возвращались. Стоило вспомнить только одну строчку, или мотив, или хотя бы одно слово, хотя бы отрывок мотива, а уж следом бежала целиком вся колядка, и вместе с нею приходил тот удивительный мир, которому имя Рождество» [Там же]. Онакий Карабуш всегда любил только два праздника – Рождество и Пасху, причем обладал интересной особенностью: он всегда знал, когда в наступившем году будет пасхальная неделя. Эта особенность со временем стала все больше поражать Чутуру (намек на вхождение Молдавии в состав Советского Союза): «К удивлению всей Чутуры, хотя церковных календарей не было и в помине, он по-прежнему знал, на какой день приходится Пасха, на какой будет Рождество» [3, 519].

Категория «христианское» по отношению к художественной литературе, с нашей точки зрения, не может быть определена исключительно через прямое или косвенное цитирование Священного Писания или путем включения в произведение эпизодов жизни благочестивых мирян, священников, монахов. Современный русский писатель А. Варламов обозначил в одном из своих интервью историческую сложность отношений русской литературы и религии: «Отношения русской литературы и христианства всегда были сложными и, я бы даже сказал, загадочными. Вот посмотрите, в русской литературе XIX века, литературе глубоко христианской по своему смыслу, по своему наполнению, вы найдете очень мало образов не только священников или монахов, но и просто православных воцерковленных христиан. <...> В отличие, например, от Франции, где сложилось понятие «католическая литература», мы не можем сказать, что у нас есть особое направление – «православная литература». Наша литература православна сама по себе. Самое христианское произведение русской литературы – это «Капитанская дочка». В ней нет никакой явной проповеди христианства, но там все дышит [разрядка автора. – В. Г.] христианством – так эта вещь написана. И это, мне кажется, должно быть образцом для нас» [1, 91–92].

По мысли А.Варламова, в русской литературе определяющим становится прежде всего не внешний мир, а внутренний смысл произведения, отношение к человеку, бытию в целом. Поэтому рассматривать литературу под углом христианского взгляда, следует, опираясь на вышеуказанные категории. В связи с этим нельзя не отметить, что и та

советская литература, которая сохраняла глубинное родство с русской классикой, так же тяготела к христианскому мироощущению. По более поздним наблюдениям А. М. Любомудрова, она вовсе не так далеко отстояла от христианства, как это могло показаться, если принять во внимание ту эпоху, которая была за окном в момент создания того или иного произведения. На это же указывает филолог-переводчик Н.Л.Трауберг: «Советской эпохе, начиная со второй половины 50-х годов, стал присущ такой «эзопов гуманизм», когда тихой сапой протаскивались традиционные нравственные ценности. Очень ярко это проявлялось, к примеру, в кино. То есть из картины мира как бы вынимается Бог, в художественном произведении Он как бы [выделено Н. Л. Трауберг. – В. Г.] предполагается, присутствует на дальнем плане» [4, 21]. Нравственная позиция автора как личности в данном случае является определяющей.

В связи с этим не внешние детали позволяют нам говорить о христианском сознании главного героя. В романе И. Друцэ христианское мироощущение проявляется именно в отношении человека к самой жизни и к своему ближнему. В самые страшные голодные годы на помощь Онакию приходит его тетушка и всегда приносит с собой кукурузу – спасение от голода для молдаванина. В скупых фразах тетка точно определяет принципы человеческой жизни: «Сейте кукурузу из года в год и берегите ее. Она – наша святая бедность, а бедность свою надо уметь беречь. Богатство – все равно что роса, тут она есть, тут уже нету ее, а бедность – это то, что нас держало из года в год, из века в век...» [3, 291].

Урок тетушки, оставившей зерно «за помин всех наших», Онакий Карабуш выучил на всю жизнь, и спустя много лет о том же говорит теперь уже своей дочери: «Народ наш выжил благодаря кукурузе и мечте о справедливости. Не дай Бог забросить стезю своей старой бедности и поддаться соблазну сытой и богатой жизни. Ничто так не опустошает дух человеческий, как нажитый им достаток, и, если все время высчитывать и выгадывать, как бы нам не променять своих ангелов-хранителей на быструю езду в собственном автомобиле» (подчеркнуто нами. – В. Г.) [3, 534].

Карабуш никогда не был богат, но при этом ни разу не отказал односельчанам в помощи и, самое главное, приходил на выручку, не дожидаясь просьбы.

Христианское смирение к жизни органично переносится у героев романа и на восприятие смерти. В первый раз мы видим это у Тинкуцы, жены Онакия. Ее уход – это, безусловно, подготовка к продолжению жизни уже в Вечности, и нет даже намека на какой-либо разлад в ее душе: «Всю жизнь покорная судьбе, она и на этот раз всё приняла как должное. Раз надо, так и надо. И теперь уходила из родной Чутуры легкой, бесшумной походкой матери, вставшей чуть свет

и боявшейся встревожить сон своих сыновей. <...> Уходила низенькая, молчаливая, с покорностью ребенка, которого взрослые впервые послали с каким-то поручением, и он идет, счастливый, и невдомек ему, что с этим можно и повременить» [3, 437].

С таким же смирением умирает и Онакий. Он уходит с чувством выполненного долга, ибо всю жизнь посвятил земле и людям. Карабуш всегда осознавал свою ответственность за всё, что есть на земле, и в этом смысле особым евангельским светом просвечивает название романа: за добро, как и за свою жизнь, человек несет персональную ответственность перед Богом, но сила доброты Онакия всегда соизмерима с его совестью, и поэтому предлагаемая читательскому вниманию жизнь простого молдаванина в полной мере соотносена с одной из главных заповедей, которую Господь завещал людям: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»

[Мк. 12, 31]. И тогда Христос пойдет рядом: «...возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящите покой душам вашим: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» [Мф. 11, 29–30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А. Мыслью человеческими судьбами / А. Варламов // Фома. – 2006. – № 6. – С. 89–94.
2. Гацак В. М. Роман и фольклор: Ион Друзэ «Бремя нашей доброты» / В. М. Гацак // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР: сб. ст. – М.: Наука, 1975. – С. 16–38.
3. Друзэ И. П. Белая Церковь. Бремя нашей доброты: Романы. / И. П. Друзэ. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 573 с.
4. Трауберг Н. Путь в пространство красоты / Н. Трауберг // Фома. – 2007. – № 8. – С. 20–24.

Воронежский государственный университет

*Гусаков В. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора*

E-mail: van-bok@mail.ru

Voronezh State University

*Gusakov V. L., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Russian Literature of the XX-XXI-st Centuries, Theoretical
Literature and Folklore Department*

E-mail: van-bok@mail.ru